

ЗАПОВЕДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ЗОНЫ

С.П. Гащак

Международная радиэкологическая лаборатория Чернобыльского центра по проблемам ядерной безопасности, радиоактивным отходам и радиэкологии

Общение с учеными, чиновниками и работниками общественных организаций, которые в той или иной степени занимаются проблемами охраны природы, равно как и соэкологические публикации последних лет неизменно демонстрируют, что несмотря на 20-летний период, минувший после аварии на Чернобыльской АЭС, у части людей по-прежнему сохраняется стереотипное восприятие всего того, что связано с Чернобыльской зоной (далее по тексту – ЧЗ или зона). В частности, это вытекает из того, как люди реагируют на предложение о создании там объекта природно-заповедного фонда Украины (ПЗФ) высшей категории. Это – либо удивление, либо откровенное неприятие. И даже, если относительно главной идеи мнения и сходятся, то относительно формы и темпов ее реализации взаимопонимания нет. Более того, как будет показано ниже, усилия сторонников заповедания ЧЗ старательно, если так можно сказать, “разжижаются” и “гасятся” корректирующей “поддержкой” со стороны тех, кто вправе принимать действительно важные для сохранения природы решения, но либо не понимает этого, либо не заинтересован. В результате заповедник, подобно линии горизонта, как был, так и остается недостижимым. Все это побудило меня выступить на страницах именно данного журнала с изложением собственной точки зрения, поскольку она базируется на 16-летнем опыте работы в ЧЗ, на анализе изменений, происходящих в ее природных комплексах, на знании всего разнообразия проблем данного региона.

Прежде всего следует напомнить что же такое ЧЗ. Это – административно-территориальный объект общей площадью почти 2600 км², созданный после аварии на ЧАЭС на севере Киевской области с целью контроля радиационной ситуации, предотвращения выноса радиоактивности за пределы зоны, стабилизации радиэкологической обстановки и минимизации последствий аварии. В перспективе рассматривались планы разработки стратегии и направлений возвращения земель к какому-либо виду хозяйственного использования. Но на первом этапе, пока радиационная обстановка была очень сложной, на большей части территории решено было ничего не проводить. Это было закреплено в Законе Украины “Про правовий режим території, що зазнала радіоактивного забруднення внаслідок Чорнобильської катастрофи” (1991) и в “Концепції Чорнобильської Зони відчуження на території України” (Холоша, Соботович, 1994). Исключением из общих правил были мероприятия, направленные на поддержание радиационной и экологической обстановки в стабильном и контролируемом состоянии: противо-

пожарные, противопаводковые, водоохранные мероприятия, мониторинг и научные исследования. Дезактивацию с мощным инженерно-техническим воздействием на среду осуществляли только на начальном этапе в центральной части ЧЗ или при строительстве. Лесохозяйственные мероприятия были направлены на поддержания леса в стабильном, пожаробезопасном состоянии, а для этого осуществляли рубки ухода, санитарные рубки, уборку горельников, залесение открытых пространств, вспашку противопожарных минеральных полос. Водоохранные мероприятия заключались в регуляции мелиоративных систем, противопаводковые – в строительстве песчаных дамб вдоль Припяти. Наиболее активная деятельность проводилась и проводится на правом берегу Припяти в самой центральной части ЧЗ, непосредственно возле ЧАЭС. Там, по сути, сохранился техногенный ландшафт: несколько крупных промышленных предприятий, строительные площадки. Существует еще несколько участков постоянного присутствия человека: г. Чернобыль (вахтовый город), г. Припять (несколько предприятий), предприятие “Вектор”, около 12 сел южного и юго-западного секторов ЧЗ (самоселы, около 400 чел.), порядка 70 км дорог с активным движением (Припять – ЧАЭС – Чернобыль – Дитятки, Чернобыль – Славутич, ЧАЭС – “Буряковка”) и около 150 км с заметно менее оживленным движением. Во всей своей совокупности территория, где сохраняется техногенное воздействие на экосистемы, даже с учетом 1 км буферной полосы вдоль дорог, занимает не более 5–7 % от всей площади ЧЗ. В целом же, около 10 % общей площади ЧЗ занимают водные объекты, около 65–70 % – лесные угодья, остальное – луга и болота. Таким образом, общая площадь природных угодий, где в течение 20 лет почти не ступала нога человека почти в 20 раз превосходит площадь техногенных участков.

Еще следует сказать несколько слов о радиоактивном загрязнении ЧЗ. Во-первых, оно крайне неравномерно. Хуже всего ситуация в центре, на узком западном и петлеобразном юго-западном следах, а также на обширном северном следе, переходящем на белорусскую территорию. Различия между этими участками и загрязнением у границы ЧЗ достигает сотен и тысяч раз. Причем, в некоторых районах ЧЗ радиационная обстановка почти такая же или даже “чище”, чем возле Киева. Второй момент который следует отметить – это то, что с момента аварии радиационный фон повсеместно снизился в тысячи раз, и в настоящее время во многих местах не многим отличается от того, что есть за пределами ЧЗ (см. ежегодные издания МЧС

“Бюлетень екологічного стану зони відчуження та зони безумовного (обов’язкового) відселення”).

Сьогоднішні проблеми ЧЗ – это не только проблемы ЧАЭС, радиоактивных отходов и поддержания обстановки в стабильном состоянии. Это еще и проблема будущего у большей части территории. Не вечно же держать ее за “колючкой”. Ранее поставленные задачи выполняются, радионуклиды неуклонно распадаются. Короткоживущие радионуклиды давно распались. От выпавших ^{90}Sr и ^{137}Cs осталось около 70 %, еще через 20 лет будет менее 40 %. Территория, на которой даже по неизменно ужесточающимся нормам радиационной безопасности проживание человека будет нежелательно, сокращается, как шагреневая кожа (Ліхтарьов та ін., 2000). Пройдет еще лет 50–100 – и от прежней ЧЗ останется только “плутониевая амеба” площадью в несколько сот квадратных километров со всеми существующими там промышленными объектами, временными и постоянными хранилищами радиоактивных отходов.

В последнее время как никогда остро встал вопрос разработки стратегии дальнейшего обращения с ЧЗ (Иванов та ін., 2000). Это – то, что сейчас называется словом “реабилитация”. И хотя до полного “самоочищения” зоны еще десятки, а то и сотни лет, уже сейчас гул от напора наиболее дальновидных и предприимчивых людей настолько большой, что мы не успеем и заметить, как будем жить в новой реальности – хозяйственном освоении некогда оставленной земли. И это, если произойдет, то совсем не через сотни лет, многие из нас станут очевидцами новейшей истории. В принципе, на части территории уже сейчас можно осуществлять хозяйственную деятельность, если она не увеличивает коллективную дозу, т. е. не требует большого количества людей и длительного их пребывания в загрязненных угодьях, не нарушает стабильности экологической обстановки, не приводит к повышению выноса радионуклидов за пределы зоны и т. д. Это может быть и лесное хозяйство, и выращивание технических агрокультур, и животноводство (откорм скота в зоне на пастбищах с последующим очищением на “чистых” кормах и сорбентах), и выращивание малька рыб, и пушное звероводство, и охотхозяйство, и энергетика (сжигание биоресурсов), и туризм, и многое другое. Что в этом плохого? Что плохого в хозяйском отношении к ресурсам и собственной территории? Все для Человека, все ради Человека!

Один только аспект почти никем не рассматривался: а будет ли целесообразно возвращаться именно к прежним видам хозяйствования, не будет ли другого более разумного и выгодного пути? В то “горячее” время мало кому приходила мысль о преимуществах, которые получает дикая природа в результате аварии, мало кто догадывался в каком виде она однажды предстанет. Люди “искали” радиацию и “боролась” с ней, а дикая природа жила своей жизнью, в соответствии с теми законами и теми возможностями, которые у нее были. Да, она тоже пережила большой стресс, только это был стресс заключенного, который открыл глаза – а тюрьмы нет. Природные комплексы региона, столет-

тиями переживавшие антропогенное воздействие, столкнулись с резким его исчезновением. “Экологическое бедствие” пережили только те организмы, которые находились на самых загрязненных участках ЧЗ, а также организмы, существование которых было связано с поддержкой человека. Если вы бывали в ЧЗ и видели еще что-то, кроме ЧАЭС, брошенных населенных пунктов и “кладбища техники”, то наверняка удивились тому успеху, которого добилась природа. Вы наверняка не видели “радиационной пустыни”. Проблемы Чернобыля были и остаются проблемами ЧЕЛОВЕКА, его субъективного отношения к последствиям аварии. У Природы таких проблем нет, она живет по своим законам (я не говорю об отсутствии влияния радиации, я говорю об отсутствии экологического кризиса в природных комплексах!).

Но в то же время из человеческих чернобыльских проблем вытекает проблема взаимоотношения Человека и Дикой Природы, проблема эволюции человеческого Разума. Львиная доля людей по-прежнему живет в стереотипах прошлого, в стереотипах освоения и преобразования природы под свои утилитарные нужды. С первых дней после аварии огромное количество людей озабочено только одной мыслью: как подправить, подчистить и снова вернуть в эксплуатацию порядка 5000 км² “загрязненных” земель (имеется ввиду, не только украинской, но и белорусской и российской). Как же так, столько добра пропадает!.. Можно не сомневаться, и у инженеров, и у ученых, и у администраторов, и у многих других людей, чьи интересы обращены в сторону ЧЗ, найдется немало весьма достойных и заслуживающих уважения аргументов, зачем и каким образом это сделать. И можно было бы с ними согласиться, если бы не понимание того, что за этим стоит стремление в очередной раз лишиться Природу свободы, пусть и приобретенной в силу трагических обстоятельств для Человека. Тысячи квадратных километров лесных, болотных и луговых угодий в центре Европы с установившимся там, по факту, более или менее заповедным режимом, после 20 лет свободного развития и с перспективой еще, как минимум, 10 лет такой же жизни. Сотни и тысячи видов животных и растений без всякой заботы со стороны человека и только благодаря представившейся им возможности налаживали присущие и испокон веков существовавшие там связи. И над всем над этим нависла угроза очередного “освоения”.

А что, Украине 20 лет не хватало этих земель для полного счастья? У нас экономика стояла и весь политический и экономический кризис развился по причине отчуждения 2600 км² полесской территории? У нас десятки тысяч беженцев скопились на границе ЧЗ и ждут не дождутся, когда же уберут “колючку”? Или кто-то считает, что на севере Киевщины и Житомирщины оставлены плодородные почвы? Ничего этого нет. А заскоружное стремление вернуться к традиционной (точнее, к традиционно неэффективной!) хозяйственной деятельности есть.

В это же время столько копий ломается, столько времени и сил тратится на то, чтобы отвоевать у тех

или иных землепользователей несколько сотен гектаров ценных природных территорий, чтобы затем хотя бы оставить под охранные обязательства тем же хозяйственникам. Кому, как не читателям этого журнала это известно! А тут – такая огромная территория! И все, что надо, так это только *дружно* поднатужиться – и отстоять право Природы на свободное развитие. Однако чернобильский край остается заложником тех чувств и настроений, которые испытывают к природе хозяйственники, ханжи и дилетанты.

И можно было бы понять людей с инженерно-техническим образованием, для многих из которых дикая природа – это место отдыха. Можно понять мотивы лесников, для которых лес – это, прежде всего, средство получения материальных благ. Можно понять бывших и немногочисленных сегодняшних местных жителей, для которых ЧЗ – это земля их предков. Можно понять чиновников, которым нужно рапортовать о пользе, приносимой народу, а не птичкам-бабочкам. Но как странно обнаружить, что иногда самые ярые защитники дикой природы не принимают идею заповедания ЧЗ, рассматривая ее как свалку (Борейко, 2006). Как странно слышать из уст работников заповедников тревогу, что создание объекта ПЗФ в ЧЗ несет в себе угрозу всему заповедному делу. Как грустно наблюдать, что большинство биологов и экологов, посещающих или работающих в ЧЗ, озабочены только негативным влиянием радиации и не хотят видеть мощь и глубину положительных изменений, происходящих в дикой природе. Если внимательно изучить материалы конференций и публикации по развитию заповедного дела и экологической сети в Украине (например, Стойко, 1999; Попович, 2003; Роль..., 2003), то получается... Черниговская, что на карте Европы нет севера Киевской области. О ЧЗ – “либо плохо, либо ничего”!

Справедливости ради следует сказать, что биологи и экологи, работавшие в ЧЗ, также не часто выступали в защиту ее природных комплексов. Большая часть таких мнений высказана на страницах “Бюлетеня екологічного стану зони відчуження”, т. е. в издании МЧС, деятельность которого ориентирована отнюдь не на заповедное дело. Более того, основные по количеству участников экспедиции имели место в первые 5–7 лет после аварии, когда многие думали только о радиационных последствиях. В последующем, когда ценность и перспективы ЧЗ как потенциального объекта ПЗФ стали очевидны, специалистов, могущих адекватно и профессионально оценить это, в зоне почти не осталось. Стоит ли удивляться тому, что их аргументы в лучшем случае принимались к сведению, а чаще игнорировались? И стоит ли удивляться тому, что даже среди природоохранников Чернобыль по-прежнему остается символом зла и проклятия?

Наверное, будет необходимым процитировать некоторые ранее опубликованные материалы (Францевич, Балашов, 1997; Гащак та ін., 2006б), чтобы описать, какие же шаги все-таки совершались в сторону заповедания ЧЗ и как росло понимание ее экологической ценности.

В июне 1986 г. ученые-радиоэкологи направили докладную записку в Генштаб Вооруженных Сил СССР с рекомендацией заповедать природные угодья 30-километровой зоны, понимая нереальность их возвращения к нормальному хозяйственному использованию в ближайшие десятилетия (по образцу заповедника на месте Южно-Уральского Радиоактивного Следа). В феврале 1987 г. Совмин СССР распорядился подготовить соответствующие предложения. В том же году Пленум совета АН СССР по проблемам радиобиологии также рекомендовал создать заповедник в ЧЗ (Нифонтова, 1987). Однако во всех случаях речь шла о заповедании как о методе отчуждения особо опасных в радиационном отношении земель и как о способе сохранения ценных для радиобиологических и радиоэкологических исследований природных территорий.

24 февраля 1988 г. на белорусской части ЧЗ создается Полесский государственный радиационно-экологический заповедник. Несмотря на противоречие этого шага законодательству СССР и принципам МСОП, у диких обитателей появился хозяин, заботящийся об их охране. То, что этот заповедник до сих пор даже в Белоруссии не рассматривают как объект ПЗФ (Зенина, 2003) и то, что деятельность, осуществляемая на его территории, равно как и в других республиканских заповедниках, не в полной степени отвечает основным целям заповедного дела – это, как говорится, другая история. Главное – у природы появился свой защитник-опекун, и уже на протяжении 18 лет осуществляется целенаправленный научный мониторинг (10 лет Полесскому..., 1998).

В начале 1990-х гг. появились первые публикации, свидетельствующие о видовом богатстве флоры (Устименко и др., 1993) и фауны ЧЗ (Францевич и др., 1991). Они еще переполнены тревогой за будущее биологических объектов. Однако, в это же время в других работах рассказывается о доминировании вторичных экологических эффектов, вызванных эвакуацией людей и прекращением хозяйственной деятельности, о развитии всеобщих резерватогенных сукцессий, на фоне которых радиационные последствия имеют куда меньшее и более локальное значение (Гайченко и др., 1990; Давыдчук и др., 1990; Балашов та ін., 1992; Дідух та ін., 1993 и др.).

В 1994 г. специалисты из институтов ботаники и зоологии НАН Украины и предприятия “Чернобыльлес” обследовали 11 объектов ПЗФ (общей площадью 2180 га), созданные на этой территории еще в 1960–1980-х гг., оценили их состояние, составили паспорта, а сами объекты передали под охранные обязательства предприятию “Чернобыльлес” (Балашов и др., 1996; Францевич, Балашов, 1997). Но это еще не было началом заповедания, поскольку охрана участков оставалась пассивной и условной, а научный мониторинг не проводился. Тем не менее, важность этих работ заключалась в нападении, что еще до аварии природа региона представляла несомненную ценность, и кроме существующих 11 объектов ПЗФ уже разрабатывались предложения по дальнейшему развитию их сети.

В 1995 г. теми же специалистами были разработа-

ны рекомендации по развитию сети ПЗФ в зоне за счет еще 13 новых территориальных объектов (Створення..., 1995; Францевич, Балашов, 1997). Ученые также предложили дополнить программу работ предприятия “Чернобыльлес” соответствующими направлениями, разработали проект “Положення про радіаційно-біологічні заказники на території Чорнобильської зони відчуження” и дали рекомендации по изменению нормативно-правовой базы Украины. Однако, в результате ничего не изменилось. И старые, и новые предложения не подразумевали создание заповедника, как природоохранной организации, заказчиком работ был тогдашний МинЧернобыль, в интересы которого никак не вошла потеря контроля над территорией.

Исследования последующих лет все более подтверждали предыдущие прогнозы: биоценозы неуклонно идут по пути восстановления автохтонного состояния (Балашов, Гайченко, 1996; Гайченко, Балашов, 1998). Видовые списки росли из года в год (Петров, 1998; Тютюнник, Бедная, 1998; Гащак, 2000; Гащак та ін., 2000, 2006а; Baker et al., 1996). Обнаруживались все новые и новые краснокнижные и прочие ценные виды (Балашов и др. 1999; Гащак, 2002; Балашов, 2003). Даже американцы, уже несколько лет работавшие на самом “грязном” участке ЧЗ и искавшие генетические последствия в популяциях диких животных, вынуждены были признать наличие уникального богатства и процветания дикого мира (Baker, Chesser, 2000). Было дано описание всего богатства ландшафтных и биоценологических комплексов (Автореабілітаційні процеси..., 2001). В этот период были разработаны новые и более радикальные предложения в отношении путей и форм развития заповедного дела в ЧЗ (Проект..., 1998). Предлагалось не только отведение под заповедные участки больше половины территории ЧЗ, но и, наконец, была обозначена необходимость создания собственно самой организации – заповедника. Не сложно догадаться, что эти предложения легли под то же сукно.

В этот же период были начаты работы в рамках государственной программы “Фауна” (Акімов та ін., 1999; Програма... 2000) и, казалось бы, внимание к диким обитателям ЧЗ наконец будет усилено. Но на деле все вышло не так. Программа составлялась без учета реальностей ЧЗ, а иногда, увы, безграмотно (об этом говорилось в: Архіпов та ін., 1999). Основной акцент делался на искусственном увеличении биоразнообразия, а точнее – на насыщении биоценозов ценными охотничьими видами, тогда как реально существующие зоокомплексы не представляли не малейшего интереса для разработчиков программы. В конечном итоге, вся программа выразилась в попытке интродукции зубров, приведшей к гибели этих животных, в интродукции лошадей Пржевальского и в регулярном отстреле волков. Созданная для этих целей егерская служба не только не нашла точек соприкосновения с чернобыльской наукой, но и вскоре стала неугодной самим учредителям и была распущена.

Начиная с 1997 г., когда МинЧернобыль исчез, а ЧЗ отошла под юрисдикцию МЧС, ситуация усугубилась. Проблемы региона стали трактоваться однобо-

ко, с позиции, преимущественно хозяйственной “реабилитации”, интерес к биологическим и другим исследованиям пропал вообще, наука практически перестала существовать в зоне. Проект новой программы “Фауна”, разработанный в 2001 г. автором данной статьи, ушел туда же, куда и предложения по развитию сети ПЗФ. Попытка издать в 2003 г. монографию о фауне позвоночных ЧЗ разбилась о камни предвзятого отношения со стороны бывших оппонентов по предыдущей программе “Фауна”. Работа вышла только в 2006 г. (Гащак и др., 2006б). Отсутствие аналогичной сводки по растительному миру, по-видимому, тоже является следствием не недостатка соответствующих данных (Петров, Балашов, 2004), а отсутствия официальной поддержки. Все исследования, которые еще осуществляются в ЧЗ, так или иначе связаны только с радиационным загрязнением. Фаунистические, ботанические, популяционные исследования – только за счет редких гостей зоны. В отношении объектов ПЗФ – только бумажные декларации.

В конце 2005 г. произошел неожиданный поворот событий. Президент Украины после посещения ЧЗ дал указание подать предложения по созданию там заповедника (Мовчан та ін., 2006), тем не менее МЧС, Минприроды и другие имеющие к этому отношению ведомства и организации после всех согласований и обсуждений приняли решения, которые, по глубокому убеждению автора настоящей статьи, коренным образом ничего не меняют.

Согласно Я.И. Мовчану и соавторам (2006), было создано или еще будет создано несколько документов (положения, охранные обязательства); внесены или будут внесены дополнения и правки в существующие документы; согласована программа научных исследований в отношении объектов ПЗФ (единственный прогресс, т. к. раньше это делалось только на энтузиазме, если вообще делалось). В который раз “*рассматривается вопрос увеличения территории специального ПЗФ на техногенно загрязненных (радиационно опасных) землях*”. Даже пересмотрен статус предприятия “Чернобыльлес” с вменением ему в обязанности новых природоохранных функций. Но главное: заповедника не было и не будет. О нем даже не говорится в перспективе. Все, что будет, так это только участки, обозначенные на карте, пусть даже имеющие название “*специальные заказники местного или государственного значения*”. Более того, это будет рассматриваться только после очередного лесоустройства. Опекуном этих участков была и остается лесная служба (с новым названием “Чернобыльская Пуща”), которая по своей природе измеряет лес в кубометрах, а не в биоразнообразии, для которой нет ничего лучше, чем ровные высокие стволы, убраный валежник, вырубленный сухостой и засаженные молодняком поляны. В который раз наступаем на те же грабли: охранять лес доверяем тем, кто его эксплуатирует. Неужели у кого-то есть иллюзии, что заботливый хозяин, который интуитивно или сознательно выращивает лес для себя, потом возьмет его и оставит? Никто не спорит, что и те, кто принял такое решение, и те, кто его будет испол-

нять, поставили во главу всего *охрану* территорий. Но от кого и от чего? Для чего декларируют дальнейшую охрану? Для птичек-бабочек, для дубов и берез? От ощущения сакрального благоговения? От осознания планетарной ценности этого анклава дикой природы? Не сложно догадаться, какие мотивы могут быть у лесников.

Да и вообще, а есть ли собственно Программа развития заповедных территорий в ЧЗ? В чем ее идеология? Исходя из обнародованной информации, получается, что речь идет пока только об обновлении паспортов существующих заказников. Из устных неофициальных источников, следует, что самый большой новый шаг, на который способны в ЧЗ, так это объявить заказником юго-восточный сектор зоны, вокруг устья Припяти (поскольку он ближе к Чернобылю). Но эффективность этого шага сомнительна. Территория как охранялась пассивно, так и будет охраняться. Никто дополнительных охранных дозоров формировать не будет. Браконьеры как заходили туда, так и будут заходить. Там как жили в 7 селах 130–140 самоселов, так они и будут жить (со всеми вытекающими отсюда последствиями: пастбищное животноводство, опальный метод улучшения лугов, сбор лесной продукции, рыбалка и охота). Лесная служба как вела “улучшение” лесных насаждений, так и будет продолжать. У науки как не было денег на мониторинг, так и не будет. Получается, что все предпринимаемые шаги – не более, чем отмазка.

И хотя, в той же самой статье (Мовчан та ін., 2006) приводится идея создания **биосферного заповедника** с описанием, что и как авторы себе представляют (не что среднее между двумя предыдущими рекомендациями (Францевич, Балашов, 1997, Проект рекомендацій..., 1998), похоже, что это предложение в очередной раз столкнулось с откровенной незаинтересованностью МЧС. Для формального неприятия идеи используются 3 основные причины: 1) за лесами надо следить, поскольку монокультурные посадки сосны крайне пожароопасны; 2) согласно “Концепции ЧЗ”, залежные земли и пожарища надо залесить; 3) в целях радиационной безопасности для Украины в ЧЗ необходимо постоянно проводить противопаводковые и водоохранные мероприятия.

Неубедительность этих доводов легко понять, если знать, что подавляющее большинство участков, которые предполагается объявить заповедными, это либо старые лиственные леса, либо заболоченные леса, либо заболоченные луга, либо поймы малых рек. Обширные участки монокультуры сосны расположены в других частях ЧЗ. Их легко разделить даже буферными охранными зонами. Не менее важно и то, что если на заповедных участках не будет человека, то и не будет такого риска пожарной опасности, а следовательно, не надо будет тратить силы и средства на переустройство структуры насаждений.

Второй довод также не убедителен, поскольку Концепция четко оговаривает приоритет “естественного залесения открытых территорий”. И не сложно убедиться, что, как минимум, половина прежних залежей

и лугов в настоящее время представлена самовосстанавливающимся древесным подростом. Другое дело, что такой подрост не соответствует требованиям лесопромышленного хозяйства.

Острой необходимости в водоохраных мероприятиях для большей части ЧЗ также нет. Об этом говорят даже те, кто этим занимается (Шестопалов та ін., 2006). Хотя именно в этой статье куда более прямо говорится, для чего нужны эти мероприятия: *для будущего хозяйственного освоения территории*. Разумеется, заповедание и хозяйственное освоение – вещи несовместимые.

Все разговоры о необходимости регулирующего контроля за территорией ЧЗ во имя радиационной безопасности Украины – это необоснованное распространение на всю зону тех проблем, которые касаются только ее центральной части и реки Припять. Еще в 1986 г. было заявлено, что лучшим “стабилизатором” радиационной ситуации, лучшим защитником от “расползания загрязнения” является сама Природа, в форме стабильных и сбалансированных биогеоценозов, эта же идея была закреплена и в Законе Украины “Про правовий режим територій...” (1991) и в “Концепції ЧЗ” (Холоша, Соботович, 1994). Поэтому даже в “горячее время” на большей части территории никто ничего не делал, поскольку в этом и не было необходимости. И как следствие – тот положительный результат и те благоприятные прогнозы, которые мы имеем сейчас (Автореабілітаційні процеси..., 2001; 20 років..., 2006).

В большинстве случаев фактором значимой дестабилизации был сам человек (дезактивація, создание и уничтожение дамб, рубка леса, вспашка, пожары, строительство и т. п.). На “совести” природы только паводки и отдаленные эффекты монокультуризации лесных насаждений (грибковые заболевания, вспышки размножения вредителей). Вопреки мнению В.Е. Борейко (2006), “стабилизация радиоактивного загрязнения” – это не цель ЧЗ, это – цель людей, которые ее создали. Для этого во многих случаях человек лишь исправлял свои прежние ошибки и/или прекращал свою деятельность. Все очень просто, как всегда: не будет человека – и будет соблюдаться заповедный режим. А для поддержания этого режима нужен ЗАПОВЕДНИК! Однако сейчас во всех аргументах против заповедника прослеживается только одно желание: сохранить за собою права на будущее хозяйственное освоение земель.

И не надо, опять же, смешивать идею организации заповедника с отведением под него всей территории. Предложения и рекомендации последнего десятилетия (Францевич, Балашов, 1997; Проект рекомендацій..., 1998; Мовчан та ін., 2006; Гащак та ін., 2006б) взвешено подходят к этому вопросу, с учетом как интересов Природы, так и тех проблем, которые еще долгое время будут существовать в центре ЧЗ. Благо, наиболее ценные природные уголья и наиболее проблемные в радиационном отношении участки почти не совпадают. Для начала надо хотя бы защитить и сделать юридически заповедными не более 70–100 тыс. га угодий, которые давно уже имеют несомненную ценность и удалены от центров активности человека. Предлагае-

мая форма ПЗФ для ЧЗ – биосферный заповедник – вполне соответствует и его особенностям (Стойко, 1999), и условиям зоны. А на остальной территории можно ограничиться охранными зонами, спецзаказниками, памятниками природы и т. п.

Как ни странно, но у идеи заповедания ЧЗ есть не только “внутренние”, но и “внешние” противники, в том числе среди тех, кто занимается вопросами охраны природы. Они аргументируют свою позицию, как правило, 1) наличием антропогенно измененных ландшафтов (“анти-эталон”), 2) техногенным радиационным загрязнением и его вредом, 3) невозможностью соблюдать заповедный режим и сохранять биоразнообразие, и вообще, 4) “это – зона экологического бедствия”. Мое глубокое убеждение, все это базируется на фрагментарно-однобоком представлении о реальной ситуации в ЧЗ и/или демагогии.

Скажите, неужели все созданные и создаваемые в Украине заповедники и национальные парки представляют антропогенно неизменные эталонные ландшафты? Там разве нет населенных пунктов и промышленных объектов? Неужели их не пересекают дороги? Неужели только ЧЗ имеет радиационное загрязнение? Загляните в Национальный доклад, подготовленный к 20-летию Чернобыльской аварии (20 років..., 2006): и Каневский, и Полесский, и созданный после аварии Ровенский заповедник (где, кстати, биодоступность радионуклидов гораздо выше, чем в ЧЗ), и Деснянско-Старогутский НПП, и “Подільські Товтри” и многие другие существующие и создаваемые заповедные объекты – все они оказались на территории, загрязненной после аварии! Почему такая дискриминация в отношении Чернобыля?! Где те формальные критерии, в соответствии с которыми кто-то определил, что ЧЗ – это плохо, а Ровенский заповедник – это хорошо?

Никто не спорит, в целом в ЧЗ радиоактивное загрязнение гораздо выше, чем где-либо еще, хотя в зоне есть участки “чище”, чем возле Киева. Но насколько радиация препятствует сохранению биоразнообразия? Разнообразию природных комплексов – несколько. Видовому разнообразию – в настоящее время тоже нет (об этом ниже). Ссылаясь на радиационно детерминированный мутагенез, кое-кто считает, что в ЧЗ он очень высокий и приводит к обеднению генофонда. Например, в работе В.И. Глазко (2006) рассказывается, что под действием радиации происходит естественная селекция генотипов в пользу более радиорезистентных, что приводит к снижению генетического разнообразия в последующих поколениях. Но это справедливо только по отношению к закрытой системе лабораторных организмов (мышей и коров), у которых отсутствует генетический обмен с остальной популяцией, живущей в более “мягких” условиях. К диким популяциям ЧЗ это не применимо. Они реагируют на стрессовые факторы как гетерогенные пластичные системы, имеющие множество механизмов компенсации (Гайченко, 2006): снижение репродуктивных способностей одних особей, приводит к повышению репродуктивного потенциала всей популяции за счет расширения доли участвующих в размножении; выпадение носи-

телей недостаточной радиорезистентности происходит на фоне увеличения общего полиморфизма. Кроме того, следует всегда учитывать, что бремя радиационной нагрузки неравномерно: ни в пространстве, ни во времени. Условия, которые когда-то не только ингибировали развитие, но и убивали организмы, ныне остались только в недрах “Саркофага”. В настоящее время только в самой центральной части ЧЗ и только у отдельных видов позвоночных и беспозвоночных, обитающих в верхнем слое почвы или на ее поверхности, дозовые нагрузки могут превышать 1 мГр/сут, т. е. *уровень, допустимый в соответствии с рекомендациями МАГАТЭ для представителей дикой фауны* (IAEA, 1992). На остальной территории и тем более для других организмов дозовые нагрузки от всех источников излучения, как минимум, в десятки раз ниже, а для немалой части ЧЗ они лишь в несколько раз превышают естественный уровень. И наконец, флуктуации генетического разнообразия в пределах популяции – естественный процесс. Они всегда были, есть и будут. Если дикая природа успешно пережила острый период после аварии, то дальше она уж точно справится.

Субъективизма в принятии подобных решений не меньше, чем в восприятии самой радиации. Сколько можно носить с клише, что ЧЗ – это “зона экологического бедствия”. В чем это бедствие? Это бедствие – у нас, у людей, в наших умах и душах, в нашем государстве, но никак не в дикой природе региона! Задумайтесь, Чернобыльская зона сейчас – это:

1) 303 вида позвоночных животных (из 411 возможных), включая 52 вида рыб (из 66), 11 амфибий, 7 рептилий, 185 видов птиц (из 253 возможных), 49 млекопитающих (из 73 возможных); из них: 17 краснокнижных видов (из 57 возможных) (Гащак и др., 2006б);

2) более 120 видов лишайников и 200 видов мхов (Мовчан и др., 2006); 1256 только обнаруженных видов высших растений, включая 4 вида плаунов, 8 хвощей, 12 папоротников, 6 хвойных и 1226 покрытосеменных (Петров, Балашов, 2004); из них 19 (из 47 возможных) – представители Красной книги Украины (Балашов, 2003); здесь есть и эндемики Полесья, и реликты;

3) 23 наземных и 7 водных фитосистем; 12 наземных и 8 водных зоокомплексов; 5 типов ландшафтов и до 15 основных типов почв (Автореабілітаційні процеси..., 2001);

4) природные саморегулирующиеся комплексы на площади 2600 км² украинской территории (плюс 2150 км² соседней белорусской такой же зоны) с огромной экологической емкостью, с мощным потенциалом к восстановлению даже тех видов и сообществ, которым нужны большие пространства (Гащак и др., 2006а);

5) 13 объектов ПЗФ, созданных еще до аварии, и еще ряд новых перспективных участков (Францевич, Балашов, 1997),

6) все это находится на пересечении Полесского и Днепровского экологических коридоров экологической сети (Андрієнко та ін., 1998; Мовчан, Шеляг-Сосонко, 1999).

Без специальных законов Украины, без участия при-

родоохранных общественных и государственных организаций, только потому, что эта территория “чернобыльская” и находится за “колочкой”, права дикой природы “на жизнь, свободу и процветание” реализуются де-факто. Ее охраняет только страх перед радиацией и ВРЕМЕННОЕ запрещение хозяйственного использования. А потому – нет никаких гарантий, что это будет продолжаться и дальше. “Экологическое бедствие” там начнется, когда хозяйственники при молчаливом согласии природоохранников начнут освоение территории.

И ладно бы МЧС или Минприроды, они люди служивые, у них всегда есть независимые от них обстоятельства и интересы, но всему этому не эфемерному, а реальному богатству, нарушая собою же разработанные морально-этические принципы, отказывают наши природные правозащитники (Борейко, 2006). Получается так, что вопреки основной идее В. Е. Борейко, что *дикие природные комплексы ценны сами по себе и сами для себя*, на Чернобыльские дикие комплексы это не распространяется. Однажды пострадал от человека, эта территория стала недостойной охраны и защиты экологов. Это – как если бы мы отвернулись от всех больных людей, даже если они выздоравливают. Получается, что цель таких природоохранников охранять только то, что они сами считают ценным, не взирая на “внутреннюю самооценку” природы. Если уничтоженный пожаром заповедник они все равно считают необходимым охранять, то ставшие только богаче леса, луга и болота Чернобыля они называют “радиационной пустыней” и сравнивают с терриконами (!). Где логика? А не верх лицемерия заявление, что зоне надо присвоить статус “могильника радиоактивных отходов”?! Где этические принципы нашего экофилософа? Это как если бы библиотеку, пострадавшую от прорыва трубы отопления, решили объявить свалкой бытового мусора...

Двадцать лет прошло после Чернобыльской аварии, многое изменилось и в Украине, и в ЧЗ. Но похоже, что наш коллективный разум и наше коллективное благоразумие все еще плетутся где-то в прошлом веке. Будущее Чернобыльской зоны и, прежде всего, ее природных комплексов – это общечеловеческая проблема, проблема сохранения биосферы, ее богатства и гармонии. Если на самых высоких государственных и международных уровнях мы декларируем это, так давайте же будем последовательны. Если нам сложно провести отчуждение территорий, находящихся в эксплуатации, то что мешает осуществить это для угодий, которые уже 20 лет заповедны?

Присвоение им статуса “специального заказника” – не более, чем лукавство. Государственные службы оставляют за собой право регулирующего вмешательства сейчас, и не скрывают, что готовят зону для последующего хозяйственного освоения. Нынешняя политика развития “заповедного дела” в ЧЗ – это блеф, поскольку никто не говорит, что это делается во имя природы и ради ее самой. Это – очередной политический ход с неубедительной аргументацией. А поэтому, если не предпринять никаких мер по скорейшему со-

зданию государственного природоохранного предприятия – ЗАПОВЕДНИКА, с юридическим оформлением прав собственности на наиболее ценные природные угодья Чернобыльской зоны и обязанностей их охраны, то в ближайшие десятилетия это будет такая же лесопромышленная и сельскохозяйственная территория, как и до аварии на ЧАЭС.

Литература

- Автореабілітаційні процеси в екосистемах Чорнобильської зони відчуження / Під ред. Іванова Ю.О., Доліна В.В. Київ, 2001. 1-252.
- Акімов І.А., Двойнос Г.М., Крижанівський В.І. (1999): Про перспективи відновлення історичних фауністичних комплексів Полісся і можливості інтродукції та реінтродукції деяких видів тварин в зоні відчуження і зоні безумовного (обов'язкового) відселення (в порядку дискусії) – Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 14: 40-41.
- Андрієнко Т.Л., Онищенко В.А., Лукаш О.В. (1998): Екологічна мережа Українського Полісся. - Жива Україна. 11-12: 3-4.
- Архіпов М.П., Гайченко В.А., Гащак С.П. (1999): До питання про зміни фауни Чорнобильської зони відчуження. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 14: 38-39.
- Балашов Л.С. (2003): Рослини Червоної книги України в Зоні відчуження ЧАЕС. - Укр. ботан. журн. 5: 528-536.
- Балашов Л.С., Гайченко В.А. (1996): Загальний екологічний стан зони відчуження ЧАЕС. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 6: 8-10.
- Балашов Л., Гайченко В., Крижанівський В., Францевич Л. (1992): Вторинні екологічні зміни на евакуйованих територіях. - Ойкумена. 2: 31-43.
- Балашов Л.С., Гайченко В.А., Францевич Л.І., Коломієць С.М. (1999): “Червона книга України” в Зоні відчуження. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 14: 35-37.
- Балашов Л.С., Францевич Л.І., Шерстюк Н.І. (1996): Состояние объектов природно-заповедного фонда в зоне отчуждения. - Проблемы Чорнобильської зони відчуження. 4: 3-12.
- Борейко В.Е. (2006): Этика и менеджмент заповедного дела. К.: КЭКЦ. 1-328.
- Гайченко В.А. (2006): Принцип формування радіостійкості популяції диких тварин. – Ядерна фізика та енергетика. 2 (18): 100-105.
- Гайченко В.А., Балашов Л.С. (1998): Прогноз розвитку рослинного покриву та фауністичних комплексів Чорнобильської зони відчуження. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 11: 17-22.
- Гайченко В.А., Крыжановский В.И., Стовбчатый В.Н. и др. (1990): Экологическая обстановка в 30-км зоне ЧАЭС и ее изменение за 3 послеаварийных года. - Докл. 2-го Всесоюз. науч.-техн. совещ. по итогам ЛПА на Чернобыльской АЭС. Чернобыль-90. 6 (3): 4-11.
- Гащак С.П. (2000): Орнитофауна эвакуированного города Припять. - Вестн. зоол. Отд. вып. 14: 90-100.
- Гащак С.П. (2002): Нотатки про деяких рідкісних птахів з території Чорнобильської зони відчуження. - Беркут. 11 (2): 141-147.
- Гащак С.П., Бунтова Е.Г., Руденская Г.А., Чижевский И.В. (2000): Особенности видового состава насекомых (Insectivora) и грызунов (Rodentia) Чернобыльской зоны отчуждения. - Вестн. зоол. 34 (6): 51-56.
- Гащак С.П., Вишневыский Д.О., Заліський О.О. (2006а): Фауна хребетних тварин Чорнобильської зони як передумова створення заповідних об'єктів на її території. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 1 (27): 57-65.
- Гащак С.П., Вишневыский Д.О., Заліський О.О. (2006б): Фауна хребетних тварин Чорнобильської зони відчуження (Україна). Славутич: Вид-во ЧЦПЯБРВР. 1-100.
- Глазко В.И. (2006): Чернобыль 20 лет спустя. - Природа. 5. (http://vivovoco.rsl.ru/vv/journal/nature/05_06/chernoby12006.htm)
- Давыдчук В.С., Петров М.Ф., Сорокина Л.С. (1990): Модель спонтанного восстановления ландшафтов зоны отселения Чернобыльской АЭС в случае минимального антропогенного воздействия. - Докл. 2-го Всесоюз. научно-техн. совещ. по итогам ЛПА на Чернобыльской АЭС. Чернобыль-90. 6 (1): 91-105.

- 10 лет Полесскому государственному радиационно-экологическому заповеднику (Сборник статей). Под ред. Парфенова В.И. Минск: Изд. Киреев, 1998. 1-232.
- 20 років Чорнобильської катастрофи. Погляд у майбутнє: Національна доповідь України. Київ: Атака, 2006. 1-224.
- Дідух Я., Андриєнко Т., Каркуцієв Г. та ін. (1993): Формування рослинного покриву в зоні відчуження Чорнобильської АЕС. - Ойкумена. 2: 13-22.
- Зенина И.М. (2003): Проблемы и перспективы развития научных исследований на заповедных территориях Беларуси. - Роль природно-заповідних територій у підтриманні біорізноманіття: Материали наукової конференції присвяченої 80-річчю Канівського природного заповідника (м. Канів, 9–11 вересня 2003 р.). Канів. 14-15.
- Иванов Ю.О., Архипов А.М., Проскура М.И. (2000): Возможные направления реабилитации зоны отчужения. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 15: 40-43.
- Ліхтарьов І.А., Ковзан Л.М., Бондаренко О.О. (2000): Чи є майбутнє у зони відчуження й відселених територій? Погляд радіолога. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 15: 44-49.
- Мовчан Я.І., Проскура М.І., Гуцал О.В. та ін. (2006): Організаційно-правові підходи створення об'єктів природно-заповідного фонду в Чорнобильській зоні відчуження. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 27: 37-50.
- Мовчан Я., Шеляг-Сосонко Ю. (1999): Шляхи втілення екомережі України. - Розбудова екомережі України. К. 104-111.
- Нифонтова М.Г. (1987): Пленум совета АН СССР по проблемам радиобиологии. - Экология. 6: 88-90.
- Петров М.Ф. (1998): Синантропный элемент Зоны отчужения ЧАЭС. - Препринт МНТЦ "Укриття". 98-4. Чернобыль. 1-69.
- Петров М.Ф., Балашов Л.С. (2004): Білоруська частина зони відчуження вже має монографічний опис флори та рослинності. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 23: 68-69.
- Попович С.Ю. (2003): Аналіз мережі прикордонних природно-заповідних територій України. - Запов. справа в Україні. 9 (2): 1-5.
- Про правовий режим території, що зазнала радіоактивного забруднення внаслідок чорнобильської катастрофи: Закон України від 27.02.1991 р. № 791а-ХІІ – Відомості Верховної Ради України. 1991. 16: 198.
- Програма відновлення первинного фауністичного комплексу і біорізноманіття Українського Полісся в зоні відчуження і зоні безумовного (обов'язкового) відселення: Програма "Фауна". Затв. Міністром МНС України В. В. Дурдинцем 13.04.2000.
- Проект рекомендацій щодо природоохоронних заходів на території Чорнобильської зони відчуження. - Звіт ДП "Чорноб. Наук.-техн. центр міжнарод. досліджень" про результати робіт за темою № 13/140,146н-98. Чернобыль, 1998.
- Роль природно-заповідних територій у підтриманні біорізноманіття: Материали наукової конференції присвяченої 80-річчю Канівського природного заповідника (м. Канів, 9–11 вересня 2003 р.). Канів, 2003. 1-351.
- Створення науково-обґрунтованої перспективної мережі заповідних об'єктів у Зоні відчуження. - Звіт про результати робіт за договором № 36/95-3. Наук.-інф. центр водогосп.-еколог. моніторингу та оптимізації водокористування (НІЦ ВЕМОВ). Київ, 1995.
- Стойко С.М. (1999): Біосферні заповідники України, їх територіальна структура та поліфункціональне призначення. - Запов. справа в Україні. 5 (1): 3-9.
- Тютюнник Ю.Г., Бедная С.М. (1998): Изменения растительного и почвенного покрова в урбанизированных ландшафтах Зоны отчужения Чернобыльской АЭС. - Препринт МНТЦ "Укриття". 98-5. Чернобыль. 1-39.
- Устименко П.М., Попович С.Ю., Мовчан Я.І. (1993): Зелені раритети зони відчуження. - Ойкумена. 2: 22-24.
- Францевич Л.І., Балашов Л.С. (1997): Чи оголошувати зону відчуження і зону безумовного (обов'язкового) відселення заповідником? - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 10: 21-26.
- Францевич Л.І., Гайченко В.А., Крыжановский В.И. (1991): Животные в радиоактивной зоне. К.: Наукова думка. 1-128.
- Холоша В.І., Соботович С.В. (1994): Концепція Чорнобильської зони відчуження на території України. - Проблеми Чорнобильської зони відчуження. 1: 3-16.
- Шестопапов В.М., Шевченко О.Л., Бугай Д.О. та ін. (2006): Перспективи водоохоронної діяльності в Чорнобильській зоні відчуження. - Бюл. екологічного Стану ЗВтаЗБ(О)В. 27: 66-77.
- Baker R.J., Chesser R. (2000): Chernobyl nuclear disaster and subsequent creation of a wildlife preserve. - Environmental Toxicology and Chemistry. 5 (19): 1231-1232.
- Baker R.J., Hamilton M.J., Bussche R. et al. (1996): Small mammals from the most radioactive sites near the Chernobyl nuclear power plant. - J. Mammalogy. 77 (1): 155-170.
- IAEA (1992) Effects of ionising radiation on plants and animals at levels implied by current radiation protection standards. - International Atomic Energy Agency, Technical Report Series No. 332, Vienna.